

6 Украшения и амулеты*

Рашид Иномджанович Шафигулин
Независимый исследователь

Предлагаемая статья рассматривает появление украшений в жизни древнего человека как насущную потребность, продиктованную поиском защиты от неведомых ему болезней и смерти. Автор утверждает, что первоначально украшения носили магический характер, выступали в роли оберегов и только со временем стали предметами повседневного пользования.

Автор рассматривает существующие гипотезы возникновения украшений, опираясь при этом на материалы археологических исследований, анализирует роль естественных «украшений» в животном мире, расценивая их как индикатор устойчивости к паразитам.

Приобщение к магическим амулетам, по мысли автора, происходило параллельно с поиском лекарственных трав, использованием огня, натиранием тела охрой, и стало еще одной ступенью в эволюционном развитии наших древних предков.

Ключевые слова: древнейшее украшение, неандертальцы, верхний палеолит, культурная эволюция, *Homo sapiens*, теория половых сигналов, половой отбор у животных, микроорганизмы, паразиты, амулеты, неолит, бронзовый век.

На стоянке неандертальцев, относящейся к среднему палеолиту (Крапин, Хорватия, 130 тыс. л. н.), археологами были найдены восемь когтей и одна фаланга орланов-белохвостов. Экспертиза, проведенная с использованием новейших средств и технологий, показала, что на концах когтей нет следов использования и затертости, то есть, судя по всему, их использовали не как орудия, а как украшение. Таким образом, находка представляет собой древнейшее в мире ожерелье (Дробышевский 2018).

А на стоянках и в погребениях *Homo sapiens*, относящихся к верхнему палеолиту, археологи обнаруживают уже не единичные, а многочислен-

* **Для цитирования:** Шафигулин Р. И. 2022. Украшения и амулеты. *Эволюция: Эволюционная мозаика* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев. Волгоград: Учитель. С. 120–143.

For citation: Shafigulin R. I. 2022. Jewelry and Amulets. *Evolution: Evolutionary Mosaic* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd: Uchitel. Pp. 120–143 (in Russian).

ные ожерелья и браслеты, сделанные из собачьих зубов, оленьей кости, бивней мамонта и морских раковин.

Раковины с дырочками (очевидно, чтобы нанизывать их и носить), окрашенные охрой, были найдены на стоянках неандертальцев в пещере Лос-Авионес (Испания). Уже около 50 тыс. л. н., задолго до появления в Европе людей современного типа (Zilhao 2010), неандертальцы носили такого рода украшения. В феврале 2011 г. появилась статья итальянских археологов об обнаруженных ими в пещере Фумане в Северной Италии птичьих костях с царапинами от каменных орудий. Возраст костей – около 44 тыс. лет. При этом большинство птиц относится к малосъедобным видам. По-видимому, неандертальцев интересовало не мясо, а крупные перья, которые можно было использовать в качестве украшений (Марков 2008).

Древнейшие украшения – подвески – анатомически современного человека (*Homo sapiens*), сохранившиеся за пределами Африки, были обнаружены на стоянке Бачо Киро в Болгарии. Сохранившиеся два зуба обитателей пещеры представляют наиболее раннее свидетельство присутствия *Homo sapiens* в Европе – 43 тыс. л. н. На южном побережье Турции, в провинции Хатай, в пещере найдены 58 бусин из морских раковин, возраст которых как минимум 40 тыс. лет.

Люди современного типа, анатомически мало отличающиеся от нас, появились в Африке значительно раньше (сегодня считается, что это произошло примерно 200 тыс. л. н.). Однако поначалу их культура оставалась среднепалеолитической, то есть практически не отличалась от культуры других человеческих рас, в частности от европейских неандертальцев (*Homo neanderthalensis*).

Возраст костяных орудий, обнаруженных на юге Африки в 2001 г. – 65–70 тыс. лет. Но такого рода орудия считаются одной из важнейших отличительных черт позднего палеолита! Немного позже в том же районе были найдены части ожерелий из раковин брюхоногого моллюска *Nassarius kraussianus*, возраст которых около 75 тыс. лет. 41 перфорированная раковина никак не может оказаться случайностью!

В журнале *Science* сообщается о находке трех еще более древних перфорированных раковин моллюска *Nassarius gibbosulus*. Две из них, обнаруженные в пещере Схул вблизи г. Хайфа (Израиль), находятся сейчас в коллекции Британского музея естественной истории (см.: Марков 2006).

Еще одна перфорированная раковина, относящаяся к тому же виду моллюсков, хранится в коллекции парижского Музея человека. Она была обнаружена на среднепалеолитической стоянке близ Куэд Джеббана на севере Алжира в 150 км от моря. Точный возраст этой стоянки определить пока не удалось, однако радиоуглеродная экспертиза указывает на то, что стоянке может быть более 90 тыс. лет (Cremaschi *et al.* 1998; Wrinn, Rink 2003).

Использование раковинных бусин *Nassarius gibbosulus* в североафриканском среднем палеолите однозначно подтверждают новые раскопки в гроте Тафоралт, Марокко (Bouzouggar *et al.* 2007). Обнаруженные здесь 13 раковин, принадлежащих к этому виду, происходят из археологических уровней, датированных 82 тыс. лет. Узоры износа на раковинах показывают, что некоторые из них предположительно были подвешены, как при бисероплетении. И, что еще более важно, раковины были покрыты красной охрой. Правда, не исключено, что на самом деле охрой было окрашено тело человека, носившего ожерелье, и раковины окрасились просто от соприкосновения с ним (Bouzouggar *et al.* 2007; Панов 2016: 7).

Ранние свидетельства использования бисера (около 90 тыс. л. н.) происходят из местечка Кафзе, Израиль. Охра, отсутствовавшая в археологических слоях, была обнаружена на десяти раковинах (*Glycymeris sp.*). На всех десяти к тому же имеются следы износа, что усиливает аргумент в пользу применения раковин этих двустворчатых моллюсков в качестве украшений (Tabogin 1993).

За время многолетних раскопок в пещере Бломбос (Южная Африка) исследователям удалось собрать коллекцию из 68 продырявленных раковин морского моллюска *Nassarius kraussianus*. Отверстия явно сделаны намеренно и очень аккуратно. Раковины размером примерно в сантиметр-полтора не могли быть не чем иным, как бусинами. Очевидно, жители пещеры нанизывали их на какую-то гибкую основу и носили на шее или же в качестве браслетов на руках и ногах (Vanhaeren *et al.* 2013; D'Errico *et al.* 2004: 16)

Что могло подтолкнуть наших предков к тому, чтобы начать производить украшения в «промышленных объемах»? В какой-то степени об этом говорят находки, сделанные в Южной Африке в двух археологических культурах, известных как Still Bay (SB) и Howieson's Poort (HP). Из этих двух культур SB – более древняя.

Более молодая культура HP не повторяла опыт SB, а шла, так сказать, своим путем. Для нее характерен несколько иной набор каменных и костяных артефактов.

За изучение этих культур взялась группа исследователей из Южной Африки, Австралии, Великобритании и Германии. Ею получены максимально точные оптико-люминесцентные датировки для 44 проб грунта из археологических слоев, содержащих артефакты культур SB и HP, а также из непосредственно прилегающих к ним выше- и нижележащих слоев. Пробы были взяты в девяти районах археологических раскопок в Южной Африке, Лесото и Намибии (Марков 2008; Jacobs *et al.* 2008). Они показали, что первый расцвет эпохи украшений начался в Южной Африке 71,9 тыс. л. н. (культура SB), но длился менее тысячи лет. Культура исчезла около 71 тыс. л. н. Затем, после долгого перерыва, возникает новая культура – HP, и украшения переживают новый подъем (около 64 800 л. н.),

который длится почти 5 тыс. лет. Культура исчезла около 59 500 л. н. Нового периода культурного расцвета африканским сапиенсам пришлось ждать уже до самой верхнепалеолитической революции, которая началась то ли в Европе, то ли в Азии и дошла до Африки около 40 тыс. л. н. Получается, что культуры украшений появлялись, затем забывались, снова входили в обиход и снова исчезали. И самое интересное, что никакой корреляции между культурным развитием древних обитателей Южной Африки и природными условиями не было, то есть среда не играла в этом какой-либо роли. Люди, использовавшие украшения, жили и у берегов океана, и в глубине материка, и в горах, и в районах с разным климатом, разной сезонностью дождливых и засушливых периодов (Марков 2008; 2011).

Но кажется очевидным, что в период от 80 до 60 тыс. л. н. произошли какие-то события, сыгравшие судьбоносную роль в развитии человечества, поскольку именно в это время начались крупные миграции *Homo sapiens* в Африке, и более того, часть из них покинули родной континент и заселили юг Азии.

Можно сказать, что в этот период наши предки прошли через «бутылочное горлышко», поскольку происходит резкое сокращение их численности. Ученые полагают, что в то время оставалось всего около 15 тыс. африканских *Homo sapiens*. Вероятно, это было связано с чудовищным извержением вулкана Тоба на Суматре, которое произошло 74 тыс. л. н. Катастрофа повлекла за собой чудовищную смертность среди *Homo sapiens*.

И все же они не только выжили, и не только популяция восполнила понесенные потери (скорее всего, после катастрофы рождаемость увеличилась), но в этот период произошли и очень важные события в культурной эволюции африканских сапиенсов, в частности в их духовном развитии. Именно в это время впервые в большом количестве появляются украшения (не жалкие три продырявленные ракушки, а целые ожерелья) и геометрические узоры, выцарапанные на камнях и скорлупе страусиных яиц (Марков 2008). То есть происходит то самое производство украшений в «промышленных объемах», о котором мы говорили.

Но истинно переломным рубежом в развитии культуры украшения человека традиционно считается так называемая позднепалеолитическая революция, связанная с современным типом *Homo sapiens*. В ее ходе произошел качественный скачок в культурном и технологическом развитии наших далеких предков. Историки полагают, что это случилось примерно 45–35 тыс. л. н., то есть по времени совпало с приходом сапиенсов в неандертальскую Европу.

Уже в верхнем палеолите, если судить по многим захоронениям, широкое распространение получили украшения из костей животных и просверленных клыков, зубов и раковин. Ученые находят в погребениях браслеты из бивня мамонта, подвески из клыков песка с просверленными отверстиями, а также из резцов козла и молочного зуба благородного оле-

ня (Golovanova *et al.* 1999). По деталям антропоморфных статуэток, найденных в раскопках, можно судить о том, что на головах древние носили скрепляющие волосы орнаментированные обручи из бивня мамонта, на руках – различные браслеты, также вырезанные из бивня мамонта или состоящие из нанизанных бус (Янин 2006).

Бытует мнение, что эти украшения были проявлением социальной иерархии, возникшей у охотников-собирателей задолго до того, как они занялись земледелием. Раковины, минералы, вулканическое стекло были предметами торговли, и контроль над ней, вероятно, был одним из источников неравенства и привилегий. То есть украшения рассказывали о статусе человека (Аджемоглу, Робинсон 2015: 160–161). Существует также гипотеза, что человек украшал себя различными ожерельями из раковин, зубов и когтей животных, обмазывал свое тело охрой для того, чтобы привлечь внимание остальных членов коллектива или подготовиться к какому-то особому событию, празднику, что также говорит о развитии социальной сферы.

Ряд ученых видит причину, побудившую древних делать украшения, в желании понравиться представителям противоположного пола. К такому заключению они пришли, допуская, что в человеческом обществе действуют те же побудительные мотивы, что и в животном мире. Так ли это? Но я убежден, что украшения в первоначальном варианте не могли играть социальную роль в племени, и предполагаю, что древние люди надевали на себя ожерелья, когти, клыки хищника по совершенно другим причинам.

Но для начала давайте рассмотрим, для чего служат «украшения» животным.

«Украшения» в животном мире

В животном мире мы наблюдаем такого рода «тягу к красоте», когда самка выбирает себе партнера в зависимости от внешнего вида – павлина с более красивым хвостом, оленя с большими рогами, шалашника (птица из семейства воробьиных) с наиболее ярким гнездом. Биологов-эволюционистов издавна мучил вопрос: почему самцы самых разных видов зверей, птиц и рыб значительно красивее самок? Зачем павлину такой нарядный хвост, а оленю – ветвистые рога? Почему у льва богатейшая грива, а у львицы нет и намека на нее? Ответ таков: эти внешние признаки служат ряду целей, главная из которых – иметь наибольший успех у самок. Конечно, нередко они могут быть и оружием в битве между самцами за питание и за самок (например, рога у оленей и лосей). Это способ продемонстрировать собратьям, что они сильнее и могут овладеть богатой ресурсами территорией.

Правда, в свое время разнообразные «украшения» в животном мире – малиновые воротники, павлиньи хвосты и т. д. – ставили в тупик Дарвина, так как противоречили теории естественного отбора. Ведь все эти гро-

моздкие рога, перья были лишними для владельца, создавая ему определенные неудобства. Да и организму было невыгодно тратить столько сил «просто на красоту». По теории естественного отбора выживает тот, кто более приспособлен, более ловок и быстр. И длинные павлиньи хвосты, которые явно мешали убежать от опасности в трудную минуту, и громкие мелодичные голоса животных, которые, кроме половых партнеров, могли привлечь и хищников, плохо вписывались в это определение. Но, видимо, проблема «хищник – жертва» не стояла столь остро в плане выживания. В конце концов Дарвин выдвинул также теорию полового отбора, считая, что все эти броские атрибуты преследуют лишь одну цель – добиться расположения потенциального партнера. Чем ярче перья, хвосты и т. д., тем больше можно привлечь партнеров, а значит, и оставить больше потомков.

Теория, выдвинутая английским генетиком сэром Рональдом Фишером (Fisher 1930), называется моделью фишеровского убежания. Израильский зоолог Амоц Захави (Zahavi Am., Zahavi Av. 1999) считает, что «украшения» животных и птиц выполняют функцию половых сигналов и действуют на самок, как реклама. Если самец позволяет себе носить украшения (концепции гандикапа) и при этом до сих пор жив, он, видимо, и в самом деле превосходит.

Самки животных сталкиваются с проблемой выбора самца, задача эта весьма сложна. В конце концов ученые пришли к выводу, что самцы всех видов стараются «разрекламировать» свои гены – ведь они могут себе позволить пустить столько энергии на то, чтобы отрастить эти «украшения». Яркие метровые перья хвоста павлина должны убедить самочку, что ее будущий партнер крепок и силен (или, как сказали бы мы, у него отличные гены), и она может не беспокоиться о здоровье будущего потомства.

Еще одна теория половых сигналов, которую сформулировали американские зоологи Астрид Кодрич-Браун и Джеймс Браун (Sibly *et al.* 2012), носит название «теория честной рекламы». Подобно Захави и в отличие от Фишера, Брауны подчеркивают, что дорогостоящие особенности организма неизбежно служат честной рекламой генетических качеств, потому что особь с генами похуже просто не может их себе позволить. Например, рога у самцов оленей требуют больших вложений кальция, фосфатов и калорий, и тем не менее они каждый год сбрасываются и отрастают заново. Только самые сильные, упитанные, свободные от паразитов самцы-доминанты могут позволить себе эти расходы. Все эти сигналы – длинные хвосты, рога, красочное оперение – являются объективным отображением степени здоровья и возможностей организма. Поэтому самка павлина может рассматривать роскошный хвост как честную рекламу достоинств самца.

Отсюда ученые пришли к выводу, что если перенести все эти примеры живой природы в жизнь людей, то побудительные причины «изли-

шеств» будут почти идентичны. Правда, в последнем варианте на первый план выдвигаются не только физические данные. Привлекательным для женщин может выступать мужчина, обеспеченный финансово, имеющий дорогой автомобиль, способный делать своей женщине дорогие подарки и т. д. Такого мужчину женщина считает надежным, способным обеспечить достойную жизнь ей и будущим детям. Но такое положение навело ряд ученых на мысль, что и в первобытном обществе в борьбе за расположение женщины значение имели не только физическая кондиция индивида, его красота и мускулатура. Существовали определенные социальные сигналы, демонстрирующие, что их обладатель располагает лучшими качествами, чем другие. Женщина, которую выбирал себе в жены вождь племени, безусловно, чувствовала себя польщенной. Но и на более скромном уровне действовали схожие сигналы. Кроме того, большинство ученых согласно, что «рекламой» далеких предков выступали украшения – гробни, зеркала, ожерелья, серьги, браслеты.

Хотя все это звучит вполне правдоподобно, но все же с этим утверждением я согласиться не могу. В том, что естественные украшения играют определенную роль в живой природе в процессе полового отбора, я не сомневаюсь. Но с тем, что украшения играли схожую роль в человеческой популяции, согласиться сложно. То, что наши предки демонстрировали свои украшения противоположному полу, чтобы добиться женского расположения, кажется слишком уж сомнительным. Правда, мне также кажется сомнительным, что украшения играли социальную роль. Моя гипотеза по поводу тяги людей к украшениям будет подробно рассмотрена чуть ниже. Но сначала поговорим еще немного о половом отборе в животном мире.

Половой отбор, социальный статус и патогены

Удачный выбор полового партнера для самки – вопрос жизни и смерти для генов будущего поколения. Индикатор здоровья и силы самца напрямую зависит от его личных качеств, а не от социального статуса в стае. Хотя, конечно, вожаком стаи всегда будет самый сильный, крупный и ловкий, однако и «украшения» играют свою роль. Считается, что самцы воробьев с большим пятном на грудке занимают лучшие участки, успешнее обороняют свою самку и потомство и к тому же производят в среднем больше потомства, чем самцы с маленьким пятном, и это связывают с их социальным доминированием. Но все же здесь главную роль играют именно их «здоровые и сильные гены». Ведь репродуктивный успех самок, связавших свою жизнь с обладателем большого пятна, в большинстве популяций в среднем выше, чем у «неудачниц», которым достался в мужья менее яркий самец.

Но есть и другая сторона медали, когда самка делает свой выбор вопреки «красоте» самца. Когда она выбирает не самого красивого, сильно-

го, а наоборот, невзрачного и с меньшим пятном. «Странные» предпочтения маленьких самок объясняются просто: самцы с небольшим пятном, как правило, более заботливые отцы. Они как бы пытаются компенсировать свой невысокий статус тем, что берут на себя больше родительских хлопот. Сильная воробьица выбирает сильного и здорового самца с большим пятном в расчете, что потомство унаследует его здоровье и силу. При этом ее мало заботит, каким отцом он окажется – заботливым или не очень. Она не сомневается, что в случае чего и сама вырастит птенцов. Слабой же самке в одиночку не справиться, поэтому для нее предпочтительнее менее престижный супруг, тратящий больше сил на семью.

При выборе животным полового партнера заметно избегание особей, зараженных паразитами, и больных. Самочки заинтересованы в обеспечении потомства генами устойчивости к паразитам. У зараженного паразитами самца не просто снижается способность производить жизнеспособное потомство. Он может заразить партнершу, а передав свои гены потомству, ухудшить состояние всего выводка.

Было обнаружено, например, что количество клещей в сарайном ласточкином гнезде связано с количеством клещей на особях, которые прилетают, чтобы занять гнездо, а не с количеством клещей в гнезде до заселения. Таким образом, когда самки выбирают самцов с меньшим количеством эктопаразитов, они снижают вероятность как приобретения самих паразитов, так и заражения ими потомства (Møller 1990).

Но как самочки узнают, что партнер болен? Прежде всего по внешнему виду. Состояние волосяного покрова или оперения указывает на степень ухоженности и свободы от эктопаразитов. Больное животное не ухаживает за своей шерстью и становится заметно неряшливым. Анемия, возникающая при сильной зараженности паразитами, может быть отражена в цвете кожи у животных там, где видны голые участки. Кишечные заболевания могут вызывать визуальные и обонятельные признаки диареи. Респираторные заболевания сопровождаются визуальными и слуховыми признаками, такими как чихание, кашель и выделения из носа или глаз. Побочные продукты метаболизма, указывающие на состояние, характерное для некоторых заболеваний, обнаруживаются в моче и могут быть очевидны при обонятельном исследовании.

Британский эволюционный биолог Уильям Гамильтон предполагает, что признаки, которые самка могла бы использовать для выбора партнера, должны иметь много общего с признаками, которые врач использовал бы для проверки пригодности к страхованию жизни, когда необходимо раздеть субъекта, взвесить, выслушать, проверить жизненные возможности и взять образцы крови, мочи и кала (Hamilton, Zuk 1982).

С этой концепцией согласуются исследования птиц и рыб, показывающие, что самки предпочитают спариваться с самцами, наиболее свободными от паразитов.

Самки (или, редко, – самцы) должны выбирать партнеров, которые демонстрируют признаки того, что они наделены генами иммунологической, физиологической и поведенческой устойчивости к микро- и макропаразитам. Выбор партнеров, которые кажутся относительно здоровыми и свободными от болезней, является одной из форм модели хороших генов для адаптивного отбора партнеров (Kodric-Brown, Brown 1984). Обратная корреляция между числом вшей и частотой спариваний была зафиксирована у самцов **птицы шалашник** (Borgia, Collis 1989). Избегание паразитов при выборе партнера объясняет тот факт, что самцы шалашника с наименьшим количеством вшей, как правило, достигают наибольшего количества спариваний. Оперение у самца шалашника отличается от оперения самки (половой диморфизм), блестящее сине-черное оперение преломляет солнечный свет таким образом, что создает яркие вспышки, когда самцы щелкают крыльями во время ухаживаний. Корреляцию между качеством оперения и нагрузкой вшей еще предстоит определить, но замечено, что самцы с наименьшим количеством вшей, как правило, достигали наибольшего количества спариваний (*Ibid.*).

Болезни, не передаваемые между конспецификами, но ухудшающие фертильность самца, также представляют угрозу для его пригодности в глазах самки. Самец-шалашник покоряет своих партнерш дизайнерским искусством, возводит постройку, сплетает шалаш из веточек, окрашивая его соком ягод и фруктов, а также украшая разными блестящими пластиковыми предметами человеческой деятельности. Но и этого недостаточно. Лишь те самцы, кто может не только строить и украшать жилище, но и содержать его, а также успешно защищать плоды своего дизайнерского искусства от воровства конкурентов, имеют наибольший успех у самок. Установлено, что самцы, сооружающие шалаши-беседки, более свободны от вшей, чем те, кто строительством не занимается (Borgia 1986).

Например, у **шалфейного тетерева** паразиты могут вызвать не только снижение подвижности и апатию, но и повлиять на жизнеспособность сперматозоидов, вследствие чего птенцы могут вылупиться не из всех яиц (Воусе 1990).

В полевом исследовании шалфейного тетерева было обнаружено, что самцы с заметной инвазией вшами или малярией имели меньше совокуплений, чем те, кто был свободен от паразитов (Johnson, Воусе 1991). Самцы горных голубей, зараженные вшами, выбирались самками реже, чем чистые самцы (Clayton 1990). Самцы **джунглевой курицы**, экспериментально зараженные кишечными нематодами, выбирались самками примерно в два раза реже, чем чистые самцы (Zuk *et al.* 1990).

Гуппи, зараженные кишечной нематодой, выбирались самками реже, чем те, у которых не было паразитов. Видимо, паразиты влияют на активность и поведение самцов во время брачных ритуалов при спаривании. Эффектная демонстрация гуппи состоит из движения, похожего на бук-

ву Z, которое можно увидеть только в сексуальном контексте. Большим особям оно становилось недоступным (Kennedy *et al.* 1987). Эксперименты проводились разными группами ученых, но результат был один: наличие паразитов оказывало сильное отрицательное влияние на проявление ухаживания, демонстрацию сексуальной активности (McMinn 1990).

Понятно, что в среде животных, ведущих стадный образ жизни, у самочек выбор больше (как, например, в стадах приматов). Но у птиц и животных одиночных видов также существует интересная возможность провести своеобразный тест на качество среди самцов. Самочка может вызвать состояние поведенческого стресса у группы самцов, поощряя конкуренцию за ее внимание. Этот стресс может затем подвергнуть испытанию тех, кто находится на грани заболевания или несет чрезмерную нагрузку паразитов. Но в любом случае у самочки в ходе такого брачного тестирования есть возможность выбрать лучшего из участников (Freeland 1976: 12–24).

У самца **красной куропатки** доступ к спариванию повышается, если он способен владеть своей территорией и защищать ее. Самцы, зараженные паразитами или страдающие от желудочно-кишечной болезни, успехом не пользуются. Ослабленный организм не сможет содержать территорию и сопротивляться нападающим конкурентам (Jenkins *et al.* 1963), к тому же больные самцы менее склонны к охоте (*Idem* 1964).

Декоративные вторичные половые признаки или эффектные проявления, благодаря которым самки часто выбирают самцов, могут быть индикаторами относительной свободы самца от микропаразитов и/или макропаразитов или устойчивости к ним. Что это за эффектные проявления?

У видов птиц, которые характеризуются ярким оперением или наличием длинных декоративных перьев, яркость или длина перьев могут отражать относительную свободу птиц от паразитов, а тусклый цвет или более короткие перья будут ассоциироваться с тяжелым бременем паразитов. Обнаружено, что длина хвостовых перьев у самцов-ласточек отражает историю паразитизма клещей, поскольку увеличение длины хвоста от одного года к другому было отрицательно связано с экспериментально манипулируемым количеством клещей в гнездах в течение предыдущего сезона. Было установлено, что устойчивость к клещам передается по наследству. Кроме того, эксперименты по перекрестному воспитанию птиц показали, что клещевые нагрузки ласточек при весеннем прилете через год после перекрестного воспитания были более похожи на таковые у их фактических родителей, чем у приемных. Эксперименты показали также, что паразитарная нагрузка птенцов влияет на длину и максимальную массу тела перед оперением (Møller 1990).

Гипотеза Гамильтона – Зука говорит о том, что половые украшения в животном мире являются индикаторами устойчивости к паразитам, и поэтому орнаментальный признак, на который ориентируются самки, рас-

крывает информацию о текущей или прошлой степени паразитизма у потенциального самца.

У шалфейного тетерева воздушные мешочки – украшения, которые используются при ухаживаниях. Заражение вшами вызывает на них гематомы. В экспериментальном исследовании самцы с искусственными гематомами, нанесенными на воздушные мешки, выбирались самками реже, чем контрольные самцы с чистыми воздушными мешками (Johnson, Boyce 1991). В экспериментах на краснокнижных диких птицах петухи, зараженные кишечной нематодой, имели более тусклые и короткие гребни, более тусклые глаза, более короткие и бледные хвостовые перья, чем контрольные неинфицированные птицы (Zuk *et al.* 1990).

В природе существует не только межвидовая борьба, но и борьба между микроорганизмами и сложными организмами, то есть между паразитами-бактериями и животными. Если микроорганизмы лишь условно-патогенны, или же патогенны, но не успели размножиться, или же животные, пораженные ими, успели выработать к ним иммунитет, то взаимодействие между микроорганизмами и высокими организмами происходит на паритетной основе, и животным удается противопоставить бактериям свои защитные свойства. То есть борьба вступает в стадию симбиоза, когда микроорганизмы могут сосуществовать со сложными организмами. Да, это создает определенные неудобства, но смертельной опасности уже не представляет. Но когда патогенные микроорганизмы наносили удар всей популяции и реальным становилось ее полное уничтожение, вот тогда включались кардинальные механизмы защиты. И прежде всего в этом качестве выступали гены. С точки зрения микроба все сложные организмы являются пищей и служат для их размножения. Но у тела сложных организмов совсем другое мнение на этот счет, вследствие чего оно формирует целую сеть оборонных средств – от кожи до иммунной системы – с тем, чтобы не впустить микробов и уничтожить их. Между паразитами и их хозяевами идет своего рода «гонка вооружений». У микробов есть преимущество: они маленькие и их слишком много, они могут размножаться в миллион раз быстрее, чем клетки хозяев, благодаря чему микробы быстрее эволюционируют (Gojobori, Yokoyma 1987).

Половое размножение – одно из самых эффективных защитных средств против паразитов и патогенных микроорганизмов.

В процессе эволюции микробы находят молекулярные ключи, позволяющие открыть наше тело. Но в мире животных и людей при появлении потомства происходит обмен генами, то есть ребенок наследует половину генов отца и половину – матери, что позволяет создать совершенно новую комбинацию генов, другими словами – сменить «замки». Потомство, таким образом, получает определенное преимущество, и патогенным микроорганизмам приходится заново «подбирать ключи» (Пинкер 2017: 503).

Еще один аспект полового отбора, который, по-видимому, частично основан на сопротивляемости болезням, – это избегание размножения между близкими родственниками. Следствием инбридинга является уменьшение в популяции животных генетической изменчивости в локусах, играющих определенную роль в устойчивости к болезням.

Устойчивость к болезням и эффективная защита от паразитов снижаются, поскольку самец и самка имеют много схожих генов и нет притока новых защитных сил.

Неравенство в эволюционной скорости изменения микробов по сравнению с их хозяевами и уменьшение разнообразия основного комплекса гистосовместимости, наблюдаемое у животных, уменьшают защиту от вторгающихся вирусов (Zinkernagel *et al.* 1985).

Два вида гепардов подверглись чрезмерному инбридингу из-за того, что их популяции резко сократились («бутылочное горлышко»). И в том и в другом случае потомство было необычайно восприимчиво к вирусным заболеваниям, угрожающим их существованию (O'Brien, Evermann 1988).

Так же отрицательно инбридинг сказался на особях американского хорька, которым угрожала собачья чума, и на парнокопытной популяции толсторога, у которой недавно был обнаружен респираторно-синцитиальный вирус.

Зоопарки – место, где инбридинг неизбежен. Связанные со здоровьем затраты на производство инбридного молодняка от спаривания родителей и братьев были рассчитаны для 40 видов млекопитающих (Rails *et al.* 1988). Смертность потомства при таких спариваниях возрастала на 33 %, хотя между исследуемыми видами существовали большие различия. Упоминание о 33%-ной смертности, обнаруженной при инбридинге в зоопарках, вероятно, является недооценкой, поскольку в данном случае не принимаются во внимание эмбриональная смертность и тот факт, что детеныши, выжившие в зоопарках с медицинской помощью, умерли бы в дикой природе (Harvey, Read 1988).

Хотя роль микроорганизмов в природе во времена Дарвина серьезно не рассматривалась, да и о генетике в то время еще не знали, тем не менее биологи-эволюционисты были принципиально правы, утверждая, что в животном мире «украшения» служили для привлечения партнеров, и, следовательно, те, чье «украшение» было более ярким, имели больше шансов на успех. Но постепенно такая идея из животного мира перекочевала в мир сапиенса, где находки украшений истолковываются схожим образом.

Для чего нужны украшения. Гипотезы

Как уже говорилось, одна из гипотез заключается в том, что наши далекие предки боролись с соперниками за симпатии своих дам не только на каменных палицах и дубинках, но и с помощью деликатного оружия – украшений, которые должны были пробудить интерес у женского пола.

Такая идея может вызвать доверие, но вряд ли украшения в человеческой популяции расскажут нам что-либо о здоровье их обладателей. Во-первых, они сделаны искусственно, а не созданы природой (другими словами – генами), как рога оленя или хвост павлина. Во-вторых, если верно предположение, что украшения служили для привлечения партнеров, то почему их находят в захоронениях? Зачем умершему человеку социальный статус в загробной жизни? Это с позиции нашей жизни мы можем рассуждать о сложных вещах и мотивах, но в те времена, вполне вероятно, все было проще. И, возможно, украшения хоронили вместе с их владельцем потому, что просто боялись их взять, допуская, что в этом случае болезнь усопшего вместе с украшениями перейдет к новому хозяину.

Ведь была в древние времена традиция «передавать» умершему болезни живых. Для этого больному следовало прикоснуться к мертвому телу перед захоронением с просьбой, чтобы умерший забрал недуг живого человека с собой в могилу.

Существует также теория, что украшения, обнаруженные в захоронениях первобытных людей, были знаками социального различия умерших. Ученые, руководствующиеся теорией социальной культуры, видят в этом простейшие формы самоидентификации и самовыражения, желания выделиться на фоне собратьев по племени. Но ведь и в пещерах неандертальцев, а не только у *Homo sapiens*, исследователи находят солидные запасы минеральных красителей, продырявленные клыки крупных млекопитающих и просверленные раковины моллюсков. То есть получается, что социальное расслоение присутствовало уже во времена неандертальцев? А может быть, украшения играли в жизни предков иную роль, отнюдь не социальную?

Я склонен думать, что если наши дальние предки и носили украшения, исходя из указанных выше причин, то использование в похоронных обрядах наряду с украшениями и охрой статуэток и других артефактов свидетельствует не о социальном или половом отборе, а представляет собой поведенческое восприятие внезапной смерти соплеменников и родных. Неандертальцы хоронили умерших, причем вне зависимости от возраста и социального статуса. Даже ребенок, погибший до или во время родов, считался равноправным членом коллектива.

А может быть, амулеты, подвески, в особенности сделанные из зубов и когтей хищных животных, поначалу не имели эстетической нагрузки и не служили для демонстрации статусного положения их обладателей. Скорее всего, в глазах наших предков они носили магический характер, использовались в качестве оберегов и были призваны защищать от разных недугов и болезней, снимать порчу и разрушать злые чары, приносить удачу. Только затем они стали знаками социальной, групповой, возрастной и половой принадлежности. И только со временем, став предметами повседневного пользования, превратились в декоративные украшения.

Чем объяснить привлекательность для наших предков зубов и клыков хищных животных? Мы знаем, что в минуты опасности звери демонстрируют зубы как свое оружие, давая понять противнику, что они агрессивны и готовы к защите. Очевидно, считалось, что и неведомая нечистая сила испугается острых зубов. Амулеты из клыков зверей как бы служили щитом от таинственных болезней, которые настигали внезапно всю популяцию. Хищные звери не болели, и это привлекало людей, заставляя задуматься, почему звери приобрели иммунитет, а люди – нет. Зубы зверей, ракушки моллюсков и рога травоядных животных служили прежде всего защитой и оберегом от смертельных болезней, а рога шаманы надевали на голову, пытаясь остановить эпидемию.

Древние люди заметили, что если один из их сородичей заболел, то и те, кто с ним общался, нередко заболевали тоже. Сам же больной при этом мог и выздороветь. Этот факт они истолковывали просто: духи зла переходят от одного человека к другому. Чтобы прервать цепь болезней, считали они, было бы благоразумным переселить дух зла из человека в животных. И сейчас в некоторых африканских странах «переселяют» духов человеческих болезней в домашних животных, а потом выгоняют этих животных из поселений племени. Рецепты против «слепоты», ведущие к исцелению в Древнем Египте, описаны в «Книге сосудов». В соответствии с ними к больным глазам человека надо было приложить свиные глаза. Затем следовало заклинание, убеждающее злых духов перебраться из человеческих глаз в глаза животного. Невежественные врачеватели пытались также избавить своих клиентов от болезни, передавая другим предметы-посредники, побывавшие в контакте с пациентом. Считалось, что если заразить другого, то недуг оставит больного человека в покое. Думается, что заражать таким образом ни в чем не повинных друзей и близких больного получалось, а вот выздоравливал ли больной? Только в том случае, если у него был иммунитет и он справлялся с болезнью сам, без лекарств. Впрочем, и сейчас, в XXI в., представители альтернативной медицины нередко «колдуют» над больным, как бы забирают его боль и переводят ее в посторонний предмет, например в деньги. Затем «зараженную» бумажную банкноту выкидывают на улицу в надежде, что на нее кто-нибудь позарится и тем самым «заберет» болезнь себе.

В «Левите» (16: 21–22) описывается ритуал древнего обряда «Козел отпущения грехов» (X в. до н. э.), направленного на то, чтобы умиловать разгневанного Бога. По верованиям древних евреев, нужно было возложить все грехи народа на козла и выпустить его в пустыне.

Жизнь в условиях серьезных природных катаклизмов и эпидемий невольно подводила людей к мысли, что их здоровье, как и само существование, целиком зависит от высших сил.

Изгнание злых духов во время эпидемии является, вероятно, имитацией более архаического и универсального ритуала изгнания, который

выполнялся шаманами и колдунами еще в неолите или даже в верхнем палеолите.

«Лодка умерших» играет значительную роль в Малайзии и Индонезии, как в собственно шаманских практиках, так и в погребальных обычаях. В случае вспышки эпидемии демоны болезней изгоняются следующим способом: их хватают и заколачивают в ящик или закрывают непосредственно в лодке, а лодку выпускают в море; или же делается несколько деревянных фигурок, представляющих болезнь: их помещают в лодку, которую затем оставляют в море (Элиаде 2000).

Впрочем, древние считали, что люди, животные и предметы «обмениваются» не только болезнями, но и полезными свойствами. В Древнем мире нередко лечились довольно странным образом. Жители Вавилона активно применяли экскременты животных, полагая, что издаваемая ими вонь вынудит злых духов покинуть тело больного. Именно изгнанию зла из пациента отводилась в лечении основная роль. Чтобы избавиться от зубной боли, египтяне прикладывали к деснам больного живую мышь, потому что «у мышей превосходные зубы». Из этих же соображений мигрень лечили прикладыванием к своей голове рыбьих голов. Это заставляет задуматься о том, что, возможно, украшения из зубов животных также носили как средство от зубной боли. Но, скорее всего, их носили от многих болезней, веря в то, что зверей от загадочных заболеваний спасают их устрашающие зубы.

В отличие от представителей животного мира, человек носил украшения, сделав их сам, и это было своего рода знаком. Несмотря на то, что первобытный человек также рисковал быть пойманным и съеденным большим хищником – саблезубым тигром или пещерным медведем, – все же главную опасность для него представляли микроорганизмы. И украшения были своего рода магическими знаками, своего рода лечебными заклинаниями. Но самое главное – они укрепляли веру в спасение. Можно сказать, что украшения каменного века (среднего палеолита!) были зачатком религии.

Давайте поразмышляем. Предметы украшения выступали для предков прежде всего в качестве оберегов, то есть для защиты первобытных жителей верхнего палеолита от злых духов. В этой же роли они выступали для неандертальцев и ранних *Homo sapiens*. То есть наши далекие предки видели, как птицы своими когтями, а животные – зубами хватают добычу (которая вполне могла быть заражена микроорганизмами) и прекрасно себя чувствуют. В то время как люди, используя практически те же самые продукты, нередко болеют и умирают. Значит, у представителей животного мира выработаны какие-то защитные свойства, думали наши древние кузены. Так же дела обстояли и с морскими раковинами. Несмотря на то, что от плоти моллюска люди заражались различными паразитами, они думали, что сама раковина дает моллюску какую-то защиту от этих же

паразитов. Стратегия выживания вырабатывалась в первую очередь в поиске лечебных средств от болезней и могла развиваться по разным направлениям. Думаю, приобщение к магическим амулетам в палеолите развивалось параллельно с поиском лекарственных трав, использованием огня, натиранием охрой.

Отсутствие знаний об истинной причине такой болезни окутывало ее тайной, придавало смерти магическую сверхъестественную силу. Болезнь не поддавалась никаким логическим умозаключениям, от нее нельзя было скрыться в помещении, спрятаться и убежать, она везде могла внезапно и стремительно настигнуть жертву. И люди не только носили амулеты в этой жизни, но затем стали укладывать их в могилу вместе с покойником, для того чтобы амулет берег его в другой жизни. Это подтверждается и дальнейшими археологическими исследованиями.

Морские раковины обнаруживались в многочисленных погребениях палеолита, мезолита и неолита. Происходило это в самых разных частях света, причем независимо от того, находилось ли место раскопок вблизи моря или было удалено от него на сотни километров. Наши предки использовали ракушки каури в качестве украшения на огромной территории, начиная от Тихоокеанского побережья и Дальнего Востока до Западной Европы и побережья Атлантики и Африки. Каури находят в захоронениях неолита на Крите и в погребениях микенского периода. Они служили первобытным народностям оберегами и амулетами, то есть средством защиты от злых духов, а также использовались в декоративных целях. И впоследствии, с изобретением одежды, перекочевали на нее. Их также использовали как украшение для волос, в качестве подвески на копья. На Алтае и в Сибири каури были неотъемлемой частью украшения шаманской одежды. Из раковин делали не только браслеты, но и серьги.

Зубчатым устьем раковин каури расписывали керамические сосуды. В самом раннем периоде Дзёмон (Япония) за 4 тыс. лет до н. э. ушные серьги делали из небольших раковин, а также клыков дикой свиньи. Для этих же целей использовались глина, камень и зубы других животных, причем большое количество украшений было покрыто красной краской. В захоронениях периода Дзёмон на запястьях покойников часто попадаются браслеты из раковин (Киддер 2003). В Китае, в провинции Ганьсу, в погребениях неолитического периода вместе с каури встречались бусы из мрамора и бирюзы. Разные виды ципреи (вид каури) были обнаружены уже в палеолите в Пещере гарпунов в китайской провинции Гуйчжоу с просверленными отверстиями и следами охры. В Африке, в Бенине, ими украшали щиты, в племенах южного Камеруна использовали для украшения причесок, на масках и статуях укрепляли вместо глаз. В племенах, живущих вдоль реки Конго, ими украшали пояса и передники. Именно каури стала самой важной денежной единицей в Индии и Африке (Богаевский 1931: 1–5).

Обереги и украшающие их узоры в глазах древних людей обладали магической силой, направленной на защиту от злых духов, и приносили счастье. И только со временем они стали восприниматься просто как декоративные элементы, а истинный смысл отошел на второй план и постепенно забылся.

Многочисленные археологические свидетельства о ювелирных изделиях в Леванте от каменного века до арабских периодов отмечают обилие фаянсовых амулетов и изображений глаза Гора из Лахишского бронзового века (Platt 1992). Причем археологи нашли ювелирные изделия самых разных видов – бытовые и священные; последние в основном располагались в местах захоронений. «Практически все захоронения в железном веке составляли браслеты, серьги и бусы», многие из которых использовались в качестве амулетов. Амулеты были найдены под полом в тайниках как бытовых, так и культовых объектов (King, Stager 2001: 277).

Священные скарабеи встречаются во всех археологических находках от раннего бронзового до позднего железного века, в Египте и в Сирии-Палестине (Ward 2003: 218).

Сотни тысяч глиняных табличек в клинописи были обнаружены на ранних раскопках в Западной Азии, особенно на месте древней Ниневии (Ирак). Они рассказывают о вавилонском эпосе о сотворении мира, дают удивительные примеры использования амулетов среди вавилонских богов. Когда богиня Тиамат, олицетворение зла и мать всего сущего, восстала против других богов, Мардук (сын Эа) был выбран богом, который должен был уничтожить Тиамат.

Мардук вооружился грозным оружием, но его величайшей защитой был амулет из красного камня в форме глаза. В одной руке он также нес кучу трав, чтобы отразить злую магию Тиамат. Но Тиамат также была хорошо защищена не менее мощным амулетом, известным как Табличка Судьбы, ей подчинялись стихийные силы, она могла легко утопить Мардука.

Но она совершила ошибку, передав свой амулет, символизирующий концентрацию всех ее сил, своему мужу Кингу. Кингу, главнокомандующий всеми ее силами, намеревался уничтожить Мардука с помощью планшета, но магия Мардука оказалась сильнее. Он победил Кингу и его демонические орды, забрав Табличку Судьбы.

Шумеры, а затем и вавилоняне в течение нескольких тысяч лет (начиная примерно с 3000 г. до н. э.) использовали для защиты все типы амулетов. В основном находят амулеты в форме животных, таких как лягушка, бык, баран, свинья, лошадь, лев. Амулеты были сделаны из драгоценных или полудрагоценных камней, таких как нефрит, яшма, агат, топаз, лазурит и аметист. Считалось, что каждый вид камня обладает способностью защищать своего владельца от зла и приносить ему удачу.

Древнейшие египетские амулеты датируются периодом неолита. Среди них кремниевые фигурки крокодила, козла, голова коровы, гиппопотам, каракатица (Бадж 2001: 117). Амулеты медно-каменного века, найденные археологами в Древнем Египте, датированы ок. 4100 г. до н. э. (Andrews 1994: 8).

Использование амулетов объясняется еще одной индивидуальной/семейной ритуальной практикой в ответ на стихийные бедствия. Целью, конечно же, было уберечься от болезни, которая могла оказаться глобальным эпидемическим заболеванием. Украшения-обереги выполняли защитную роль для индивидуумов.

Амулеты на Ближнем Востоке часто использовались как популярное средство борьбы с потенциальными глобальными катастрофами, поскольку считалось, что они вызывают сверхъестественную силу, способную отгонять зло и/или приносить удачу человеку, дому или окрестностям (Там же: 6).

Некоторые большие амулеты были развешаны на стенах или воздвигнуты внутри храмов. Использование их для защиты подчеркивается тем фактом, что египетские слова, обозначающие их, происходят от глаголов «охранять», «защищать».

Амулеты Древнего Ближнего Востока включают ювелирные изделия, такие как бусы и подвески (но не ограничиваются ими). Так, в ходе археологических раскопок были обнаружены цилиндрические печати (Reiner 1987; Andrews 1994: 42), статуэтки, маски, чаши, таблички, стелы. Возможно, амулетами выступали даже колонны и статуи. В самом деле, почти любой предмет может служить амулетом, если он признается проявлением сверхъестественных сил. Эти силы часто подчеркиваются словами, произносимыми над ними (Pinch 1994; Jacq 1985: 53–55). Их особая защитная роль иногда подтверждается надписями и/или сопровождающими их применением заклинаниями.

Амулеты и другие апотропейные предметы, используемые для личной защиты, надевались на человека, для домашней защиты вешались на стену или зарывались под пол, для общенациональной защиты устанавливались в храме или другом общественном месте. Амулеты, призванные обеспечить безопасность в загробной жизни, сопровождали мумий и находились в складках тканей, в которые те были завернуты. Часто они содержали заклинания из «Книги Мертвых».

«Книга Мертвых» и сама по себе была амулетом. Ее копии часто помещались либо на мумию, либо в гроб, либо в другое специально отведенное место внутри гробницы. Разумеется, царские мумии были искусно украшены амулетами. Например, на мумии царя Тутанхамона насчитывалось 143 амулета.

В находках эпохи железного века археологи обнаружили терракотовые и фаянсовые статуэтки, изображающие мужчин и женщин. Обще-

ственные и бытовые святыни железного века были найдены в Телль эль-Фар'ах (Север), Мегиддо, Таанахе, Самарии, Лахише, Кунтиллет-Адж-руде и других местах.

Популярный амулет Уаджат, или «глаз Гора», был найден во многих израильских гробницах железного века (Dever 2003: 389).

Маски, вазы с фигурами бесов, статуэтки бесов Патайкоса и Птаха, различные ожерелья также использовались в этот период в качестве амулетов (Stern 2001: 507–510).

Арамейские заклинания на еврейских амулетах поздней Античности говорят о применении их против болезней. Один из таких амулетов, сделанный из меди, с надписью и свитком, был обнаружен в неглубокой яме внутри здания (возведенного ок. 500–350 г. до н. э.), примыкающего к синагоге в Хорват-Канафе (Horvat Kanaf), недалеко от Галилейского моря на южных Голанских высотах.

Считалось, что амулет приобретал целительные свойства именно благодаря заклинаниям или магической формуле. Тексты на амулетах содержали молитвы, по существу являясь заклинаниями, и предназначались для защиты жилищ, домашнего скота, семьи и людей от нападения злых духов. Конечно же, эти духи олицетворяли собой разного рода болезни. Роль амулетов и оберегов резко возрастала в периоды мора и повальной смертности (Бадж 2004: 177–178).

Чтобы чума прошла мимо и пощадила, израильтяне, помимо магических слов из Библии, использовали разные обереги и талисманы. Мезуза, что в переводе с иврита значит «дверной косяк» или «воротный столб», представляла собой полоску кожи, содержащую часть текста молитвы, процитированные стихи из Второзакония (6:9, 11:20), которую прикрепляли к дверным косякам жилища.

Традиция использования языческих амулетов пришла к иудеям от более древних цивилизаций Египта и Вавилона, и после того, как иудеи научились письму, на талисманах начали писать великое имя Бога и отрывки из священных книг.

Колокольчики как талисман также были распространены у иудеев. В основном их крепили к одежде. Звон был призван отгонять злых духов. Но иудеи переняли эти колокольчики у древних египтян.

Амулеты, содержащие надписи, призывающие божественную защиту, или облеченные в форму бога или богини защиты, действовали, по мысли современников, подобно молитвам (Aune 1997: 113).

Хеттский ритуал возведения дома включает синюю печать, как бы обеспечивающую защиту здания. Перечислен ряд предметов – колышки фундамента, драгоценные металлы и камни, которые должны быть помещены вместе с фундаментом, краеугольными камнями, под дверь и в других местах строений. Слова благословения сопровождают размещение этих предметов, например: «Пусть жертвователю и (его) дети и дети детей

также будут дороги богам (и обретут) вечную жизнь по их милости» (Robertson 2014: 114–116).

К числу защитников домашнего очага относятся также многочисленные так называемые магические чаши поздней Античности из Месопотамии, особенно из Ниппура. Магические чаши – это домашние амулеты с надписями, в основном для защиты от вреда и болезней. Считается, что они заманивают демонов в ловушку и заключают в себе, тем самым препятствуя их свободному нахождению в доме. Вот пример одной из таких чаш. Надписи на ней разделены на четыре сегмента:

- 1) связаны демоны, запечатаны Девы, связаны идола-духи, запечатаны злые Лилит, мужчины и женщины, связаны;
- 2) отныне и навеки связан дурной глаз с домом Хвадая, сына пали;
- 3) связан дурной глаз из дома Хвадая, сына пали, из его дома и из его дома... (и) от;
- 4) и от Адур-дукха, и от ее сыновей, отныне и до вечности. Аминь, Аминь, Селах (Naveh, Shaked 1985: 173).

Как только дом был построен и заселен, люди могли защищать его с помощью апотропейных предметов (отводящих порчу) и сопутствующих ритуалов. Финикийские или ханаанские амулеты из Арслан-Таша (Сирия), датируемые VII в. до н. э., являются примером такой защиты. Эти таблички имеют отверстие наверху и, скорее всего, висели на стене. На аверсе изображены крылатый сфинкс, волк – пожиратель младенцев и надпись: «Защиты против летунов» (то есть ночных демонов).

Против летунов: и из темной палаты уходите прочь! Немедленно! Немедленно, О ночные демоны! В доме, против дробилок (?): Вперед! Что же касается Сасма, то пусть (дом) не открывается ему, и пусть он не спускается к дверным косякам! Пусть солнце восстанет против Сасма! Уходи, и навсегда улетай! (строки 15–29).

Однако наиболее важными для нашей темы защиты от потенциальных глобальных катастроф являются так называемые чумные амулеты из Месопотамии (King 1896: 62). Слова, содержащиеся на таких домашних амулетах, часто являются отрывками из очень популярного месопотамского мифа об Эрре и Ишуме. Этот миф известен как из Ассирии, так и из Вавилонии, ок. VIII в. до н. э. По словам американского ассириолога Эрики Райнер, некоторые амулеты содержат большие фрагменты, даже полный текст мифа, как и табличка из Ассура. Эти домашние амулеты снабжены отверстием, чтобы их можно было повесить на стену дома (Reiner 1960: 19).

Мардук... как бог-покровитель магии; Эрра, который властно решает, кто будет поражен чумой, а кто нет; Семь богов (Игиги), которым поручено управлять бичом; и прежде всего Ишум, кото-

рый является ночным сторожем... и как посланник богов... имеет юрисдикцию над улицами... бродит по ночным улицам и, увидев подвешенный у ворот амулет, отметит этот дом как тот, мимо которого должна пройти чума (Robertson 2014: 103–122).

Постоянно нося на себе амулет из ракушек и зубов хищных зверей, первобытные люди верили в его силу и чувствовали себя защищенными. Правда, все эти средства срабатывали далеко не всегда, но это не уменьшало веры древних людей в их действенность. Потому обереги, амулеты, талисманы прожили долгую жизнь и стали постоянным украшением тела человека. Звезда Давида и христианский крест обеспечивают такое же чувство спасения и защиты своим носителям, как нога кролика, когти орла, зубы волка и пентаграмма.

Люди должны были **верить**, чтобы **выжить**. Амулеты и талисманы помогали им верить.

Библиография

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. 2015. *Почему одни страны богатые, а другие бедные*. М.: АСТ.
- Бадж У. 2001. *Амулеты и суеверия*. М.: Рефл-бук.
- Бадж У. 2004. *Магия Древнего Египта. Тайны книги мертвых*. М.: Центрполиграф.
- Богаевский Б. Л. 1931. *Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья*. Л.: ГАИМК.
- Дробышевский С. В. 2018. *Байки из грота. 50 историй из жизни древних людей*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Киддер Дж. Э. 2003. *Япония до буддизма. Острова, заселенные богами*. М.: Центрполиграф.
- Марков А. 2006. Три продырявленные ракушки заставляют по-новому взглянуть на зарождение человеческой культуры. *Элементы* 26 июня. URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/430264/Tri_prodyryavlennye_rakushki_zastavlyayut_po_novomu_vzglyanut_na_zarozhdenie_chelovecheskoy_kultury.
- Марков А. В. 2008. Зарождение человеческой культуры в Африке проходило в два этапа. *Элементы* 5 ноября. URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/430902/Zarozhdenie_chelovecheskoy_kultury_v_Afriке_prokhdilo_v_dva_etapa.
- Марков А. В. 2011. *Эволюция человека: в 2 кн. Т. 1. Обезьяны, кости и гены*. М.: Corpus (АСТ).
- Панов Е. Н. 2016. Зарождение творчества. *Природа* 7: 41–49.
- Пинкер С. 2017. *Как работает мозг*. М.: Кучково поле.
- Элиаде М. 2000. *Шаманизм: архаические техники экстаза*. Киев: София.
- Янин В. Л. (ред.). 2006. *Археология: учебник*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

- Andrews C. 1994.** *Amulets of Ancient Egypt*. Austin: University of Texas Press.
- Aune D. E. 1997.** Amulets. *The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East* / Ed. by E. M. Meyers. Vol. 1, pp. 113–115. New York: Oxford University Press.
- Borgia G. 1986.** Satin Bowerbird Parasites: A Test of the Bright Male Hypothesis. *Behavioral Ecology and Sociobiology* 19: 355–358.
- Borgia G., Collis K. 1989.** Female Choice for Parasite-Free Male Satin Bowerbirds and the Evolution of Bright Male Plumage. *Behavioral Ecology and Sociobiology* 25: 445–454.
- Boyce M. S. 1990.** The Red Queen Visits Sage Grouse Leks. *American Zoologist* 30: 263–270.
- Bouzouggar A., Barton N., Vanhaeren M., d’Errico F. 2007.** 82,000-Year-old Shell Beads from North Africa and Implications for the Origins of Modern Human Behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 104(24): 9964–9969. DOI: 10.1073/pnas.0703877104.
- Clayton D. 1990.** Mate Choice in Experimentally Parasitized Rock Doves. *American Zoologist* 30: 251–262.
- Cremschi M., Di Lernia S., Garcea E. A. A. 1998.** Some Insights on the Aterian in the Libyan Sahara. *African Archaeological Review* 15: 261–286.
- D’Errico F., Henshilwood C., Vanhaeren M., Niekerk K. van. 2004.** Nassarius Kraussianus Shell Beads from Blombos Cave: Evidence for Symbolic Behaviour in the Middle Stone Age. *Journal of Human Evolution* 48: 3–24. DOI: 10.1016/j.jhevol.2004.09.002.
- Dever W. G. 2003.** Religion and Cult in the Levant: The Archaeological Data. *Near Eastern Archaeology: A Reader* / Ed. by S. Richard, pp. 383–390. Winona Lake, IN: Eisenbrauns.
- Fisher R. A. 1930.** *The Genetical Theory of Natural Selection*. Oxford: Clarendon Press.
- Freeland W. J. 1976.** Pathogens and the Evolution of Primate Sociality. *Biola’opica* 8: 12–24.
- Gojobori T., Yokoyama S. 1987.** Molecular Evolutionary Rates of Onco-Genes. *Journal of Molecular Evolution* 26: 148–156.
- Golovanova L. V., Hoffecker J., Kharitonov V. M., Romanova G. P. 1999.** Mezmaiskaya Cave: A Neanderthal Occupation in the Northern Caucasus. *Current Anthropology* 40(1): 77–86.
- Hamilton W. D., Zuk M. 1982.** Heritable True Fitness and Bright Birds: A Role for Parasites? *Science* 218: 384–387.
- Harvey P. H., Read A. F. 1988.** Copulation Genetics. When Incest is not Best. *Nature* 336: 514–515.
- Jacobs Z., Roberts R. G., Galbraith R. F., Deacon H. J., Grün R., Mackay A., Mitchell P., Vogelsang R., Wadley L. 2008.** Ages for the Middle Stone Age of Southern Africa: Implications for Human Behavior and Dispersal. *Science* 322: 733–735.
- Jacq C. 1985.** *Egyptian Magic*. Wiltshire: Aris and Phillips.

- Jenkins D. A., Watson A., Miller G. R. 1963.** Population Studies on Red Grouse, *Lagopus Lagopus Scoticus* (Lath.), in North-East Scotland. *Journal of Animal Ecology* 32: 317–376.
- Jenkins D. A., Watson A., Miller G. R. 1964.** Predation and Red Grouse Populations. *Journal of Applied Ecology* 1: 183–195.
- Johnson L. L., Boyce M. S. 1991.** Female Choice of Males with Low Parasite Load in Sage Grouse, *Centrocercus Urophasianus*. *Ecology, Behavior and Evolution of Bird-Parasite Interactions* / Ed. by J. E. Loye, M. Zuk, pp. 377–388. Oxford: Oxford University Press.
- Kennedy C. E. J., Endler J. A., Poyton S. L., McMinn H. 1987.** Parasite Load Predicts Mate Choice in Guppies. *Behavioral Ecology and Sociobiology* 21: 291–295.
- King L. W. 1896.** New Fragments of the Dibbarra-legend on Two Assyrian Plague-tablets. *Zeitschrift für Assyriologie* 11: 50–62.
- King P. J., Stager L. E. 2001.** *Life in Biblical Israel*. Louisville: John Knox.
- Kodric-Brown A., Brown J. H. 1984.** Truth in Advertising: The Kinds of Traits Favored by Sexual Selection. *American Naturalist* 124: 309–323.
- McMinn H. 1990.** Effects of the Nematode Parasite *Camallanus Cotti* on Sexual and Non-sexual Behaviors in the Guppy (*Poecilia Reticulata*). *American Zoologist* 30: 245–249.
- Møller A. P. 1990.** Effects of Parasitism by the Haematophagous Mite *Ornithonyssus Bursa* on Reproduction in the Barn Swallow *Hirundo Rustica*. *Ecology* 71(6): 2345–2357.
- Naveh J., Shaked S. 1985.** *Amulets and Magic Bowls: Aramaic Incantations of Late Antiquity*. Leiden: E. J. Brill.
- O'Brien S. J., Evermann J. F. 1988.** Interactive Influence of Infectious Disease and Genetic Diversity in Natural Populations. *Trends in Ecology & Evolution* 3: 254–259.
- Platt E. E. 1992.** Jewelry, Ancient Israel. *Anchor Bible Dictionary* / Ed. by D. N. Freedman. Vol. 3, pp. 823–34. New York: Doubleday.
- Pinch G. 1994.** *Magic in Ancient Egypt*. London: British Museum Press.
- Rails K., Ballou J. D., Templeton, A. 1988.** Estimates of Lethal Equivalents and Cost of Inbreeding in Mammals. *Conservation Biology* 2: 185–193.
- Reiner E. 1960.** Plague Amulets and House Blessings. *Journal of Near Eastern Studies* 19: 148–55.
- Reiner E. 1987.** Magic Figurines, Amulets, and Talismans. *Monsters and Demons in the Ancient and Medieval Worlds* / Ed. by A. E. Farkas, P. O. Harper, E. B. Harrison, pp. 27–36. Mainz on Rhine: Philipp von Zabern.
- Robertson C. W. 2014.** *Drought, Famine, Plague and Pestilence Ancient Israel's Understandings of and Responses to Natural Catastrophes*. Piscataway, NJ: Gorgias Press.
- Sibly R. M., Brown J. H., Kodric-Brown A. 2012.** *Metabolic Ecology: A Scaling Approach*. Oxford: Wiley-Blackwell.

- Stern E. 2001.** *Archaeology of the Land of the Bible. Vol. 2. The Assyrian, Babylonian and Persian Periods.* New York: Doubleday.
- Taborin Y. 1993.** *La Parure en Coquillage au Paléolithique.* Paris: XXIXe Supplément à Gallia Préhistoire.
- Vanhaeren M., d'Errico F., Niekerk K. L. van, Henshilwood C. S., Erasmus R. M. 2013.** Thinking Strings: Additional Evidence for Personal Ornament Use in the Middle Stone Age at Blombos Cave, South Africa. *Journal of Human Evolution* 64(6): 500–517.
- Ward W. A. 2003.** Scarabs. *Near Eastern Archaeology: A Reader* / Ed. by S. Richard, pp. 218–221. Winona Lake, IN: Eisenbrauns.
- Wrinn P. J., Rink W. J. 2003.** ESR Dating of Tooth Enamel from Aterian Levels at Mugharet el 'Aliya, (Tangier, Morocco). *Journal of Archaeological Science* 30: 123–133.
- Zahavi Am., Zahavi Av. 1999.** *The Handicap Principle: A Missing Piece of Darwin's Puzzle.* Oxford: Oxford University Press.
- Zilhao J. 2010.** Did Neandertals Think Like Us? *Scientific American* 302(6): 72–75. DOI: 10.1038/scientificamerican0610-72
- Zinkernagel R. M., Hengartner H., Stitz L. 1985.** On the Role of Viruses in the Evolution of Immune Responses. *British Medical Bulletin* 41: 92–97.
- Zuk M., Thornhill R., Ligon J. D. 1990.** Parasites and Mate Choice in Red Jungle Fowl. *American Zoologist* 30: 235–244.